РАЗДЕЛ II.

**ИННОВАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ НАУКИ
О ЧЕЛОВЕКЕ И ОБЩЕСТВЕ**

Глава 6.

**О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ
В СИСТЕМЕ ТРИЕДИНСТВА МЕТАФИЗИКИ, ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЙ
И МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ**

Демидов Геннадий Константинович

Курчеев Валерий Сергеевич

д.ю.н., профессор

заслуженный юрист Новосибирской области

профессор кафедры конституционного и муниципального права,

Сибирский институт управления - филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация: В статье рассмотрены представления первых классиков, сформулировавших научные понятия, касающиеся метафизики и диалектики, их становления, развития и восприятия научным сообществом на различных этапах исторического развития науки и общества. Существующее в действительности представление об основах методологии научного познания имеет односторонность в восприятии, основанную, как правило, на идеях материалистической диалектики, которые отвергают все ранее использовавшиеся и применяемые понятия, наработанные столетиями ценности, имеющие непоколебимую во времени стабильность установленных основных положений. В статье представлено видение авторов о необходимости возврата к методологической основе научного познания через триединство метафизики, идеалистической диалектики и материалистической диалектики.

Исследование проводилось на основании переводных материалов первоисточников, максимально близких к публикациям оригиналов, для исключения возможности политизированности содержания, которое было возможным в последующих переводах и толкованиях содержащихся в них сведений, которые были выполнены в пользу властных структур и политических взглядов лидеров, находящихся во главе государства в переломные этапы исторического развития России начала прошлого века.

Ключевые слова: диалектика, знание, логика, метафизика, метод, мнение, наука, триединство, философия.

**ON THE METHODOLOGICAL BASIS OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE
IN THE SYSTEM OF THE TRINITY OF METAPHYSICS,
IDEALISTIC AND MATERIALISTIC DIALECTICS**

Demidov Gennady Konstantinovich

Kurcheyev Valery Sergeevich

Abstract: The article considers the ideas of the first classics who formulated scientific concepts concerning metaphysics and dialectics, their formation, development and perception by the scientific community at various stages of the historical development of science and society. The existing idea of the fundamentals of the methodology of scientific cognition has a one-sidedness in perception, based as a rule on the ideas of materialistic dialectics, which reject all previously used and applied concepts, values developed over centuries, having an unshakable stability of the established basic provisions in time. The article presents the authors' vision of the need to return to the methodological basis of scientific knowledge through the trinity of metaphysics, idealistic dialectics and materialistic dialectics. The study was conducted on the basis of translated materials of primary sources that are as close as

possible to the original publications in order to exclude the possibility of politicization of the content that was possible in subsequent translations and interpretations of the information contained in them, which were carried out in favor of power structures and political views of leaders who were at the head of the state at critical stages of the historical development of Russia at the beginning of the last century.

Key words: dialectics, knowledge, logic, metaphysics, method, opinion, science, trinity, philosophy.

Принимая во внимание факт того, что история науки выработала два всеобщих философских метода: метафизический и диалектический, каждый из которых, являясь альтернативным, одновременно зависит от другого в той степени, в которой складывающиеся условия и конкретное время исторического этапа развития науки позволяют каждому из них обрести собственное место и значение. При этом нужно полагать неприемлемым действием абсолютизировать роль метафизического или диалектического методов применения.

Рис. 1. Методы философии

Становлению понятия «Метафизика» послужили занятия Андроника Родосского по систематизации разрозненных материалов с идеями и выводами Аристотеля — древнегреческого мыслителя, результатом которых стали

переписанные им описания, сведенные в единый сборник, в котором материалы были размещены в некой иерархии: сначала — по естествознанию, затем — по так называемой физике, а уже после них — философские труды, в буквальном смысле понимания — «все то, что после физики», именно то, что постигается, как правило умозрительно и представляет собой учение о первоначалах и всеобщих основаниях бытия, а знания — в целом.

Под термином «Диалектика» Сократ понимал искусство ведения спора, а Платон и Аристотель — разговорное искусство двух сторон, как диалог, и использования доказательств в нем.

Принимая метафизику и диалектику как методы рассмотрения философских проблем, необходимо воспринимать их существование, как за пределами философии, так и в обыденном познании, в науке, а так же в качестве способов жизнедеятельности.

Время неумолимо движется вперед и все понятия и мнения их определяющие имеют свойство изменяться. Так, например, взгляды на одни и те же процессы, которые ранее считались передовыми, с течением времени, даже на небольшом его отрезке, под воздействием новых открытий становятся не в полной мере актуальными, но они, именно они, всегда являются основой для нового взгляда, для новых мнений, которые принимать необходимо с учетом тех базисных положений, которые дали движение следующему этапу развития. Так получилось и со взглядами на метафизику, на аристотелевскую метафизику — на то, что есть и существует, но существует после физики. В Метафизику Аристотеля включены 14 книг, каждая из которых несет в себе определенную смысловую нагрузку, но только в книгах 1–6 рассмотрены идеи, определения, доказательства, опровержения и подтверждение различных взглядов, касающиеся метафизики.

В значительной части юридической и философской литературе Гегелю приписывают первенство в становлении диалектики и практически полное отрицание метафизики. Так ли это на самом деле?

Георг Вильгельм Фридрих Гегель в своей работе «Логика» [1], называемой издателем еще «Гегелевской энциклопедией», Энциклопедией философских наук, а также Руководством, которым автор пользовался при своих чтениях, в части касающейся его отношения к необоснованным выводам о необъективно приписанном авторстве тех или иных положений, в качестве примера привел «историю философии Бруккера», анализируя которую, отметил: «...она (история) приписывает древним греческим философам по десяти, двадцати и более положений, из которых ни одно не принадлежит им», поясняя, что подобный образ действий «...не допустим, не только потому, что философы, которым приписывают известные заключения, не вывели их сами и не высказали их определенно, но, главным образом, потому, что, выводя эти заключения, навязывают этим философам конечные отношения мысли, которые противоположны их спекулятивному уму и только искажают философскую идею», добавив, что: «...идею искажают, когда, вопреки всему этому, берут ее только по частям, принимая один из ее моментов за целое» [1, с. XIII]. В основу работы Гегелем были положены идеи возрождения, как он говорил: «моей философской системы», и он ни в коей мере не стремился к отрицанию метафизики и противопоставлению ее основ диалектике, он, на анализе результатов разбора устаревших понятий выстраивал логические объяснения и пояснял собственное мнение о необходимости становления новых взглядов и подходов к философским воззрениям современности, которую характеризовал словами Цицерона — «Философия довольствуется немногими судьями и с намерением набирает толпы, которой она подозрительна и ненавистна; так что нападки на нее всегда заслужат всеобщее одобрение» [1, с. XVIII]. Да, можно сказать, что он был один из тех, немногих подвижников, которые

поддерживали идеи развития новой философии. Определяя текущее состояние действующей философии, он отмечал: «Занятие этой наукой, не поддерживаемое ни каким авторитетом, ни даже авторитетом религии, и, напротив того, считаемое за излишество и за опасную или, по крайней мере, сомнительную роскошь, тем более сосредоточивается на изучении предмета и истины» [1, с. XIX].

Метафизика. Размышляя о первом отношении мысли к объективной истине, Гегель изложил мнение о том, что это отношение составляет ту безотчетную умственную деятельность, которая, не имея сознания о противоположности мышления самому себе, содержит верование о том, что размышление открывает истину и обнаруживает для восприятия все предметы так, как они есть на самом деле. При этом соотнося эту мысль с точкой зрения, применявшейся в старой — до Кантовской метафизике, вывел понятие, согласно которому, время этой метафизики уже миновало, но тем не менее она продолжает существовать «...представляя собою рассудочное воззрение на предметы, доступные в их истине одному разуму» [1, с. 53], при этом обратил внимание на тот факт, что оценка ее — метафизики, приемов и существенных положений, продолжает иметь довольно высокий интерес.

Гегель отмечал, что старая метафизика в качестве исходной точки имела безотчетное убеждение в том, что мысль узнает предметы так, как они есть в самих себе, при этом признавая, что истинная сущность вещей может быть только в мышлении. Поставив метафизику в зависимость от изменчивости природы и духа человека, он сделал вывод о том, что: «...недостаточно рассматривать вещь, как она представляется непосредственно, чтобы знать ее в ее истине» [1, с. 54]. И продолжая мысль, обратил внимание на то, что имеется противоположность между точкой зрения старой метафизики в отношении к выводу, сделанному критической философией, считающей, что человеку достаточно знаний только о самих поверхностных явлениях. Гегель полагал,

что метафизике не свойственно мышление, так как оно несвободно и истинно, а сама метафизика не позволяет предмету развиваться свободно из самого себя, самостоятельно находить собственные определения, а вынужденно опираться на уже готовые, определяя статистический подход, можно сказать некую стабильную константу, так называемый предел выбора. Эта метафизика есть догматизм, потому что, соответственно природе конечных определений, она должна была принять, что из двух противоположных утверждений, одно необходимо истинно, а другое необходимо ложно, а также потому: «... что она держится неполных определениях мысли и берет их в их раздельности» [1, с. 59].

По определению Аристотеля основными элементами субстанции являются «материя» и «форма», то есть все то, что, по сути, исключая «первую материю», составляют мир, как совокупность субстанций, где каждая представляет собой единичное бытие. Учитывая движение и изменение, как важные свойства мира, Аристотель сформировал четыре основные начала (причины) всего свершающегося. К первой причине он отнес «материю» — то, в чем реализуется понятие. Ко второй — «форму», как понятие или понятия, зависящие от вида или состояния «материи», принимаемых при переходе от возможности к действительности. К третьей — причину движения. К четвертой — цель, ставшую инициатором действия. Далее он все причины свел к группам основная и производная. Первая — основная, включает: «форму» и «материю». Вторая — производная, определяется: «целью» и «причиной действия», в которых цель, сводится к «форме» или формальной причине, полагая, что итогом любого действия становится результат по достижению заданной цели, а причина действия — по аналогии с определением места цели, сводится к «форме» или формальной причине, где она становится движущей причиной, определяющей понятие о самом предмете, которым материи придают нужную форму либо соответствующий вид действительности.

Аристотелем представлен взгляд на учение о знании. В основу его он положил онтологию, когда в качестве самостоятельных субъектов были выделены: научное знание, искусство, опыт и мнение. Так, например, к компетенции искусства были отнесены — действия по производству вещей через использование способностей, которые определяют области деятельности искусства, в качестве практики или процесса производства: к сфере знания были отнесены функции человека, связанные с созерцанием либо изучением предмета, с теоретическими изысканиями и реализацией возможности по формированию выводов через умозрения. Общность науки и искусства определяется Аристотелем через использование в обеих знания и опыта, учитывая однако то, что в науке, знание должно быть передаваемое, а опыт используется ей, совместно с получаемыми знаниями. Соотношение понятий «знание» и «искусство», «опыт» определяется как исходная точка либо начало, имеющие в основании: ощущения, память и привычки, где предметом «опыта» принято считать факты, которые рассматриваются только как единичные.

Интересно мнение о том, что единство двух составляющих знания определяются как «предмет знания» и «знание предмета» и остается реальным понятием там, где предмет может рассматриваться сам по себе либо представляется возможным предметом знания, находящимся в нейтральном состоянии, которое не способствующим возникновению знания. Моментом же истины, когда «предмет знания» и «знание предмета» становятся действительными и составляют единство, считается точка отчета с которой «предмет знания» начинает определяться как объект созерцания. По этому случаю Аристотель отмечает, что знание представляет собой род обладания, — рассматриваемый как способ бытия специфического рода [2, с. 37].

Аристотелем выделено десять родов, которые были категорированы по: сущности, количеству, качеству, отношению, месту, времени, положению,

обладанию, действию, претерпеванию, что предоставляет обширные возможности для проведения аналитических изысканий.

К компетентности в сфере проведения исследования начал и причин всего сущего, рассматриваемого как сущее, а не только как разделы отдельных областей бытия, Аристотель причисляет «первую философию», именуемую в дальнейшем «метафизикой». Он предполагает, что высшей степенью знания вещи может стать только познание ее сущности, которая представлена первой во всех смыслах понятия триединства: «определение» — «познание» — «время».

В учении о категориях представлены три категории, отражающие бытие, как категория метафизическая, познание, как категория гносеологическая и языковая принадлежность, как категория грамматическая, которые не имели преимущественного применения и использовались Аристотелем в зависимости от возникшей необходимости в попеременном порядке. При этом: категория метафизическая, либо онтологическая, определяется высшими родами бытия, совместно с его частными сторонами и обнаружениями; категория гносеологическая — различными аспектами либо точками зрения и позициями, с которых становится возможным рассмотреть предметы и роды бытия, в условиях возведения их к единому аспекту или высшей, наиболее значимой точке зрения.

Интересна позиция Аристотеля в подходе к понятиям «знание» и «искусство», рассмотренных в отношении понятий «понимание» и «опыт». Он полагает владеющего искусством, то есть имеющего знания и понимание, более мудрым, чем имеющего опыт. И причина кроется здесь в том, что мудрость зависит от наличия знаний, позволяющих понимать причины происходящего, а опытность — такого ресурса не имеет и позволяет ее владельцу быть только искусным мастером своего дела. Формируя мнение о мудром, Аристотель выделяет пять составляющих мудрости. Так, мудрым считается тот, кто:

1) имеет достаточный уровень познания во многих областях и сферах деятельности, хотя и может не иметь глубоких знаний о каждом из предметов в отдельности; 2) обладает способностью к познанию трудного и сложно постижимого для обычного человека; 3) может обеспечить процесс обучения и обучить установлению причин происходящего процесса; 4) действующий в согласии с мнением о том, что мудрость это то, что желательно для ее блага и дальнейшего познания, но ни как то, то желательно для получения извлекаемой из нее выгоды и личной пользы; 5) не получает наставлений, являясь наставником, которому повинуются все те, кто менее его мудр.

Неоспоримым можно полагать мнение Аристотеля о том, что опытные мастера четко представляют «что», но не имеют знания о том, как это происходит и ответа на вопрос «почему?», а те, кто обладает искусством — понимают причину и точно знают как и «почему» все происходит. При этом, обладающий искусством способен научить, передавая навыки и умения ученику, а имеющий опыт — нет. И здесь будет правильным привести мысль Аристотеля, согласно которой: тот человек, который имеет опыт, будет считается наиболее мудрым, по отношению к тому, который имеет только лишь чувственные восприятия; обладающий же искусством — будет более мудрым, чем тот, который имеет опыт. Наставник, естественно — более мудр, в сравнении с ремесленником, а умозрительные науки по статусу выше наук обеспечивающих созидание или творение. Из этого, заключает Аристотель, становится понятной мысль о том, что «мудрость представляет собой науку об определенных причинах и началах» [2, с. 67].

Поясняя суть причин, Аристотель принял за основу четыре значения, определяя их в виде: 1) *сущности* или *сути бытия вещей*, относя их понятие к вопросу «почему», ответ на который предполагает определение каждой из них; 2) принимая этот вопрос за *причину* и *начало*, *материю* или *субстрат*; 3) который зависит от привязанности к *месту исхода движения*; 4) которая

противолежит той последней причине, которая указывает на *цель* каждого их *возникновений* или *движений*, определяющихся в качестве блага либо отвечающего на вопрос «ради чего?»).

Интересно также мнение Аристотеля о качестве усвоения материала слушателями в зависимости от их привычек. Здесь поставлены вопросы о том, какие привычки сложились у слушателей, какого изложения материала они ожидают, что могут предпринять против обыкновения, что является для них непонятным, слабо воспринимаемым и обладающим негативным действием. Отвечая на эти вопросы, Аристотель рассматривает различные варианты достижения согласия, так, например для одних, он предлагает учитывать силу восприятия информации, передаваемой через мифы, исторические отсылки и интересные факты, для других — посредством приведения примеров или достоверных сведений, подтвержденных официальными источниками и другими свидетельствами, для третьих — через рассуждения, определяющиеся логической точностью и системностью пояснений. Однако в заключении делает вывод о том, что главным все же нужно считать действия, которые могут поспособствовать возможности приучить слушателей к единой системе восприятия в области каждого из предметов, так как довольно не правильно будет одновременно пытаться передавать знание и искать способы для его усвоения, просто нужно следовать единой методике, применение которой позволит сформировать привыкание к восприятию передаваемой информации.

Наиболее важным в смысле принятия к заявленным целям данной работы, полагаем что, можно особо выделить идеи, заложенные Аристотелем в раздел метафизики, в части касающийся разрешения затруднений и устранения начал их вызывающих. Так, на первый план он выносит две причины: первая — связана с преодолением различных мнений, высказываемых участниками о началах; вторая — с не полной оценкой общего объема рассматриваемых вопросов, которые, не являясь первостепенными, как правило остаются без

надлежащего внимания. Здесь же он предлагает учесть факт наличия некой психологической составляющей, под воздействием которой те, кто желает преуспеть, явно или не явно, создают некие затруднения. И это есть те затруднения, которые необходимо разрешать немедленно в целях получения должного успеха при разрешении последующих. В данном контексте можно согласиться с приведенным высказыванием о том, «что очень сложно развязать узел, не зная то, как он был завязан» [2, с. С.100]. Так, несомненно, что затруднения в мышлении представляет трудности по аналогии вопросу о наличии «узла» в предмете исследования. Здесь нужно принять то, что когда мышление затруднено, оно испытывает состояние, такое же, как испытывают те, кто ограничен в движении, когда исключается любая попытка их перемещения. Аристотель предлагает рассмотреть те трудности, которые могут возникнуть по причине затруднений мышления в условиях, когда возникает ситуация, в которой некоторые из участников не знают, куда им идти, кроме того им неизвестно, нашли ли участники то, что искали, или нет. В любом случае для некоторых из участников абсолютно или частично не ясна цель, тогда как для других — она понятна и они довольно быстро могут разобраться в затруднениях самостоятельно.

Все это плавно подводит к тем началам разрешения затруднений, предложенных Аристотелем, которые можно считать алгоритмом поиска истины. Так, для разрешения первого затруднения необходимо знать ответы на вопросы:

- исследуются ли причины одной или нескольких наук?
- находится ли в компетенции искомой нами науки задача понимания, например, только первых начал сущности, либо ей отнесены так же и занятия всеми началами представляемыми в доказательстве?
- при условии того, что рассматривается наука о сущности, то рассматривает ли она все сущности в единстве или в совокупности с другими

науками, а в случае если их несколько, то определить их однородность ли зависимость, установив, какую из них следует классифицировать как мудрость, а каким образом классифицировать другие?

Для разрешения второго затруднения необходимо провести исследование и:

— определить наличие и состав чувственно воспринимаемых сущностей и других сущностей, распределив их по видам и (или) по родам;

— установить принадлежность исследования к одним сущностям или к другим, приходящим свойства, сами по себе им присущие; отнести их к началам и элементам рода или к составным частям, полученным от деления любой вещи;

— принять за необходимость, в случае установления что есть роды, сказывающие о единичном, либо роды, являющиеся первыми главным образом, провести обсуждение вопросов о том: 1) сколько и какие по видам, так как она сама по себе — независимая; существующая в зависимости от другой, либо от других; являющаяся следствием действия и т.п.; 2) имеют ли начала, выраженные в определениях или относящиеся к субстрату, ограничения по числу и видам; 3) какой вид начал — преходящих и непреходящих, одних и те же начал или различных, и соответствуют ли они правилам, когда все начала должны быть непреходящими либо начала преходящих вещей — преходящими; 4) присутствует ли единое и сущее, не как нечто иное, а в качестве сущности вещей и если это не так, то, что лежит в основе нечего иного; 5) имеются ли начала нечего общее либо они аналог единичных вещей; 6) как и каким образом они существуют: в возможностях или в действительностях либо как то иначе, чем по отношению к движению; 7) отображаются ли они есть ли числами, линиями, фигурами и точками некой сущности, в том числе существующие в отдельности от вещей, которые воспринимаются чувственно, либо существуют внутри них.

Полагаем необходимым отметить, что Аристотель не скрывает сложностей применения этой рекомендации и заключает: «По всем этим вопросам не только трудно достичь истины, но и нелегко надлежащим образом выяснить связанные с ними затруднения» [2, с. 100].

Диалектика Гегеля. Не углубляясь в рассмотрение рассуждений Гегеля о философии, можно отметить, что в работе «Энциклопедия философских наук», он уделил вопросам рассмотрения диалектики достаточно места и сформировал собственное мнение ее смыслах понимания. Так, в этой работе он пишет о том, что диалектика известна с древнейших времен и о том, что ее первооткрывателем, определившим введение ее в науку, справедливо считается Платон, который объективно показал при ее помощи, что определения рассудка, считающиеся твердыми, имеют конечную форму, то есть конечны. Сократ, развивая идеи Платона, придал диалектике смысл субъективизма, предполагающего ироничность. Кант причислен к разряду философов, который уже в новое время предпринял решительные действия по восстановлению истинного смысла диалектики.

Гегель считает: «Мы знаем, что все конечное изменяется и уничтожается; его изменение и уничтожение есть не что другое, как его диалектика; оно содержит в себе свое иное и потому выходит за предел своего непосредственного существования и изменяется» [1, с. 133], предполагая, что окружающее нас может служить примером диалектики, а в условиях реальной обреченности, в которой все вещи и конечные предметы в итоге должны погибнуть, она в своем значении соответствует представлению о всемогуществе Бога, что означает ее как некую власть, воздействие которой носит всеобщий характер и требует беспрекословного подчинения и покорности, составляя существенный момент любой из религий.

Диалектика выступает в качестве основного закона мысли, полагая, что мысль, как и рассудок, должны впадать в противоречие с самой собою, что

определяет сущность и положение логики. Чаще всего диалектику рассматривают, в качестве внешнего искусства, которое производит спутанность определенных понятий и кажущихся противоречий в них. Но это не так, предполагает Гегель — ее настоящее значение заключается в определении собственной и истинной природы, как определений рассудка, всего конечного, так и вообще всех предметов. Гегель рассматривает диалектику как живую душу в движении наук, которая является началом, определяющим в содержании необходимость и внутренние связи, возвышая дух каждой из наук над конечным действительным образом.

Истинная природа диалектики определяется внутренним и поступательным в условиях перехода одного определения в другое, когда возможно предположить, что определения рассудка являются односторонними и (или) ограниченными — отрицают самих себя. Истинное значение диалектики в понимании Гегеля представляет собой некое начало любых движений, которые происходят в жизни, в действительности — в мире действительности, она является душой научного развития и позволяет преступить пределы отвлеченных определений рассудка для того, чтобы жить и давать жить, имея в основании возможности допуска определений и их противоположений. Не вызывает сомнений мнение Гегеля о том, что всем частным сферам и формам естественного и духовного мира свойственен дух диалектики, ее сфера деятельности распространяется на право и гражданственность, когда действительность принимает мысль изложенная в пословице: «*summum jus summa injuria*» — означающее, что если отвлеченное право довести до крайности, то оно станет несправедливостью. Законам диалектики также подчинена и личная нравственность и в подтверждение этому тезису Гегель приводит слова пословиц: «гордость пророчит падение»; «что слишком остро, то скоро притупляется» [1, с. 135].

Результатом диалектики Гегель считает отрицание, которое является одновременно и утверждением, содержащее в себе то из чего оно произошло, при этом не имеет возможности существовать отдельно от него. Единство отрицания и утверждения, как двух противоположных определений считается третьим, спекулятивным моментом мысли либо ее положительным разумным моментом. Гегель считает, что спекулятивным моментом, или моментом положительного разума, можно охватить единство определений в их противоположении, либо утверждение, содержание которого находится в их разрешении при переходе одного из них в другое.

Материалистическая диалектика. Фридрих Энгельс в 1878 году в издательстве «Вперед», расположенном в городе Лейпциг, опубликовал первое издание книги «Господин Евгений Дюринг переворот в науке», чаще называемое «Анти–Дюринг». В целях данной работы мы решили рассмотреть не политизированный в переводе оригинал работы Энгельса, построенный на материалах третьего издания, вышедшего в свет в 1894 году и включенного в сборник трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, изданного в 1961 году в ГДР.

Что есть «Диалектика»? Фридрих Энгельс поясняет, что диалектика: «...представляет собою не более, как науку о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления» [3, с. 131].

Рассматривая взаимосвязь и последовательность развития философии, Энгельс предположил, что древние греческие философы были естественными диалектиками. Обладателем же самого универсального ума среди них он считал Аристотеля, который уже в те времена исследовал существеннейшие формы диалектического мышления. Последующую философию, называемую философией нового времени, он представлял, как основанную на метафизическом образе мышления, принятым в круге передовых французских мыслителями того времени, отмечая что в их кругах тоже были представители диалектики, такие как Декарт и Спиноза. Далее, характеризуя новейшую

германскую философию, как пришедшую на смену французской философии, Энгельс отметил ее величайшую заслугу в восстановлении диалектики, как высшей формы мышления, и значительную роль Гегеля в завершении этого этапа развития философии, которого он считал идеалистом, собственные идеи для которого представлялись не как абстрактные отражения существующих вещей и явлений, а, наоборот, вещи и их развитие казались ему лишь отражением в действительности «идеи», существовавшей до сотворения мира. Из этого мнения сложилось понятие, что Гегель как будто бы все поставил вверх ногами. Энгельс считал гегелевскую систему неполноценной и страдающей неразрешимым внутренним противоречием, в котором: «... с одной стороны, основной предпосылкой системы является историческое воззрение, признающее человеческую историю развивающимся процессом, который, по самой своей природе, не может завершиться в интеллектуальной сфере открытием так называемой абсолютной истины, но, с другой стороны, сама система претендует, что в ней содержится эта истина» [3, с. 22].

Критикуя метафизиков и соглашаясь с тем, что важнейший закон, закон, связанный с развитием природы проявляется и в животном, и в растительном мире, в точных и естественных науках, одновременно ссылается на аргументы метафизиков, которые по его мнению вносят ограничения на способы их мышления, исходящие из того что в диалектике отрицать — не означает просто сказать «нет», объявить несуществующей вещь, либо ее уничтожить, приводя в подтверждение слова, сказанные Спинозой: «*omnis determinatio est negatio*» — где всякое ограничение либо определение представляет собой в то же время отрицание, Энгельс излагает собственный взгляд на идеи, поддерживаемые метафизиками. В частности, те в которых способ отрицания определяется общей и особенной природой конкретного процесса, когда становится необходимым не только отрицать, но и впоследствии отрицать полученное отрицание. Так, например, когда для получения из отрицания развития

предлагается особый способ отрицания, в котором для каждой категории предметов, первое отрицание должно быть выражено таким образом, чтобы стало возможным второе отрицание. Вот эти действия Энгельс называет детским занятием, глупостью и скучной процедурой [3, с. 132].

В метафизике принято, что вещи и их отображении умом представляют собой понятия, которые воспринимаются как неизблемые, раз и навсегда принятые за истину данные полученные в результате ранее проведенных исследований. Мышление здесь зависит от противоположностей: если да, то — да, если нет, то — нет, а что помимо этого, то — никак не воспринимается. При этом положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга, а причина и следствие находятся в постоянном противоречии между собою. Энгельс отметил, что подобный метод мышления практиковался ранее так как он казался наиболее подходящим, однако, если не дать возможность человеческому рассудку выйти за пределы установленных ограничений, то метафизический образ мышления натолкнется: «... на препятствия, за пределами которых он становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях, ибо за отдельными вещами он забывает их связь, за их бытием — их возникновение и уничтожение, за их покоем — их движение...» [3, с. 21]. Соотнеся это мнение с результатами более точного наблюдениями, Энгельс свидетельствует, что оба этих полюса, являясь неотделимыми друг от друга, в тоже время — противоположны. При этом, не смотря на данное противоречие, они проникают друг в друга, а возникающие в результате действия причины и следствия, имеют значение только применительно к конкретному случаю и не влияют на общую картину всемирного взаимодействия, в котором они постоянно меняются местами. Отсюда следует вывод о том, что все эти процессы и методы выходят за пределы границ метафизики, а для диалектики, рассматривающей вещи и их образы в их связи, их сплетении, их движении, возникновении и уничтожении,

представляют доводы в пользу диалектического метода и пониманию, что в конце концов, все совершается диалектически, а не метафизически. Причиной же постоянных противоречий между данными опыта и принятым методом мышления, объясняющей путаницу в теоретическом естествознании в рассматриваемый период времени Энгельс называет недостаточное количество естествоиспытателей, которые мыслят диалектически.

Одним из основных можно считать мнение Энгельса о том, что всеобъемлющая, раз и навсегда установленная система познания природы и истории (метафизика) противоречит основным законам диалектического мышления, но не исключает и даже подразумевает, что только систематическое познание всего внешнего мира может стать основанием для дальнейшего развития и делать гигантские шаги от поколения к поколению. Приведенные примеры, как считал Энгельс, в достаточной степени подтверждают его точку зрения, например: осознание некоторой несостоятельности германского идеализма привело к возрождению материализма, не чисто метафизического, а исключительно механического материализма; наивное революционное простое отрицание прежней истории, уже в современном материализме заменено понятиями, что историей реализуется процесс развития человечества и что главной задачей должно быть познание законов его движения; вместо о едином представлении о природе, как о неизменном целом, движущемся в ограниченных пределах космоса с неизменными видами органических существ, современный материализм признает все главные выводы естествознания, в том числе: то, что природа имеет свою историю во времени, что мировые тела и все виды организмов, одинаково возникают и исчезают, а сферы мирового круговорота принимают бесконечно большие размеры и то, что в случаях понимания истории и природы: «... современный материализм по существу диалектичен и не нуждается уже ни в какой, стоящей над прочими науками, философии» [3, с. 24].

Рассматривая вопросы о классовой борьбе пролетариатом и буржуазии, Энгельс заметил, что она выступила на первый план в истории наиболее прогрессивных стран Европы, так как в них развилась крупная промышленность и произошло завоевание буржуазией политического господства. При этом действующая на то время старая идеалистическая философия истории, не имела понятий об опирающейся на материальные интересы классовой борьбы, игнорировала материальные интересы и все экономические интересы. Произошедшие события стали необходимым основанием, движущим моментом для пересмотра всей истории, когда обнаружилось, что она была по сути историей борьбы классов, которые являлись продуктами отношений производства и обмена (экономических отношений) в каждой из исторических эпох развития человечества, которые составляли экономическую структуру общества, образующую реальную основу для построения в системе государственности правовых и политических учреждений, также ставшей источником для возникновения новых религиозных, философских и иных идей. Энгельс отмечает, что благодаря этому пониманию: «... идеализм был изгнан из своего последнего убежища, из исторической науки, и найден путь для объяснения сознания людей из их бытия, вместо того, чтобы, как это было доселе, объяснять их бытие из их сознания» [3, с. 26].

Но это материалистическое понимание истории, отмечает Энгельс, несовместимо с понятием старого социализма, также как и воззрения на природу французского материализма несовместимы с диалектикой и новейшим естествознанием. И продолжая тему Энгельс сообщает, что старый социализм, хотя и критиковал капиталистический способ производства, но, не имея возможностей его объяснения, мог только отрицать его. Использование метода материалистического понимания истории и пояснения тайны капиталистического производства из работ К. Маркса позволили объяснить

процесс капиталистического производства и производства капитала. Социализм объявлялся наукой, которую далее необходимо было разрабатывать.

Отстаивая идеи социализма в классическом их понимании Энгельс отмечал, что «Социализм есть выражение абсолютной истины, разума и справедливости, и ему нужно лишь быть открытым, чтобы собственной силой завоевать мир; в виду же того, что абсолютная истина независима от времени, пространства и человеческого исторического развития, то делом случая является и самое время и место ее открытия» [3, с. 19]. При этом он поставил абсолютную истину, разум и справедливость в зависимость от мнения теоретиков — основателей школ, от содержащегося в нем субъективизме понимания условий жизни, соответствующего историческому периоду времени, от степени развития научных дисциплин и их знаний и т.п., делая вывод, что неизбежно возникающие конфликты между абсолютными истинами различных гениев должны разрешаться только путем их взаимного сглаживания.

Рассуждая о вечных истинах, Энгельс, предполагая возможность того времени, когда человечество бы оперировало только с понятиями вечных истин, претендующих на безусловную истинность, он делает вывод о том, что духовная жизнь человечества не имела бы прогресса из за того, что когда-нибудь возникла бы необходимость признания того, что бесконечность мира интеллектуального исчерпана и реально, и потенциально, что: «... таким образом уже совершилось пресловутое чудо пересчитанного бесконечного числа» [3, с. 19]. Интерес здесь вызывает деление областей познания, проведенных Энгельсом, по трем группам: первая — это науки о неодушевленной природе, предметы которых доступны для точного математического исследования, например: математика, астрономия, механика, физика, химия; вторая — это науки, исследующие живые организмы; третья — науки исторические, занимающиеся исследованием упомянуть науки, исследующие законы человеческого мышления, т.е. логику и диалектику.

Исторически метафизика представлена двумя формами.

— старая метафизика (классическая), базирующаяся на отрицании развития и всеобщих связей, определяемая натурфилософией, метафизическим материализмом и др.;

— новая метафизика («новометафизический» метод), не отрицает развития и трактующая себя в ограниченном и одностороннем смысле, предлагая ряд видов метафизического мышления в виде нового подхода к действительности, связанного с абсолютизацией отдельных форм познания (практической деятельности), имеющего место в системе, например социального управления, в том числе: бюрократизм, волюнтаризм, догматизм, консерватизм, конформизм, натурализм, рационализм, релятивизм, фатализм, формализм, эмпиризм, и др.

К основным формам диалектики исторически относят:

- диалектику, стихийно развившуюся у древних греков (наивная);
- диалектику Гегеля (идеалистическая);
- диалектику марксизма (материалистическая).

Принимая во внимание мнение Энгельса о том, что всеобъемлющая, раз и навсегда установленная система познания природы и истории (метафизика) противоречит основным законам диалектического мышления (диалектике), но не исключает, а даже подразумевает, что только систематическое познание всего внешнего мира может стать основанием для дальнейшего развития и предоставит возможность делать гигантские шаги от поколения к поколению. Что означает отсутствие необходимости отбрасывать из обыденного познания жизни и науки те методы и подходы к решению возникающих задач, наработанные в прошедших столетиях и наряду с познаниями в области современной диалектики, применять методики и правила, положенные в область метафизики, которые сами по себе предопределяют необходимость

формирования методологической основы научного познания на основе триединства: метафизики, идеалистической и материалистической диалектики.

Рис. 2. Система триединства

Новое видение методологической основы научного познания, рассматриваемое в триединстве метафизики, идеалистической и материалистической диалектики (Рис.2), предложил профессор Курчеев В.С. изложив свое мнение в докладе «Современное видение правовых основ государства устойчивого развития», представленном на собрании ученых Новосибирского национального исследовательского государственного университета. Ученый обстоятельно, с научной точки зрения, обосновал необходимость возврата к триединству, поясняя, что: «...в рамках только одного материализма, современное движение через образование, культуру и науку, невозможно» [4]. И только с учетом метафизических основ, не меняющихся из поколения в поколение ценностей, возможно, будет выстроить в будущем перспективное государство устойчивого развития, в основу которого будет положено триединство.

Список литературы

1. Гегель, Георг Логика: третье издание / Георг Вильгельм Фридрих Гегель; пер. с немецкого В.Чижова; предисл. Леопольда Геннинга; с доп. поясн. и примеч. по научным чтениям автора. — М.: типография Александра Симкина, 1861. — с. XXIV и 379 с.
2. Аристотель Сочинения [Текст] : в 4 т. / Аристотель, ред. и авт. предисл. В.Ф. Асмус. — М.; «Мысль», АН СССР. Ин-т философии. Филос. наследие, 1976. — Т. 1. — 550 с.
3. Энгельс Фридрих Господин Евгений Дюринг переворот в науке (Анти–Дюринг): сборник трудов К. Маркса и Ф. Энгельса / Ф.Энгельс. — Dietz Verlag, Berlin. Лента 20. Берлин (ГДР). — 1962. — С. 1-303. [Текст]. Электронное издание. Приведено на сайте: ML Werke. URL: http://www.mlwerke.de/me/me20/me20_001.htm (дата обращения 03.08.2020).
4. Курчеев В.С. Современное видение правовых основ государства устойчивого развития: доклад: ответы на вопросы [видео] / В.С. Курчеев // Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ): [сайт]. — URL: <https://yandex.ru/video/preview?text>. Дата публикации 24.12.2013. — Длительность: 01:28:37.